

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ

МЧС *спассти и
выжить!*

БЕЗ СТРАХОВКИ

МЧС

Михаил Серегин

Без страховки

«Научная книга»

2010

Серегин М. Г.

Без страховки / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2010 — (МЧС)

До службы в МЧС Игорь Чистяков, классный скалолаз, работал спасателем в горах. До сих пор он периодически берет группы новичков-альпинистов и водит их в горы по несложным маршрутам. Но очередной поход стал по-настоящему экстремальным: Игорь наткнулся на труп мужчины, по-видимому сорвавшегося в расщелину с большой высоты. Несчастный случай, в горах, увы, такое бывает... Но в душу Чистякова начали закрадываться сомнения. По этой стене альпинисты никогда не ходили; да если бы и ходили, то не в одиночку. Продолжив осмотр тела, Игорь обнаружил, что страховочная веревка явно перерезана...

© Серегин М. Г., 2010

© Научная книга, 2010

Михаил Серегин

Без страховки

Мостовой курил, пуская сигаретный дым в открытое окно, и с усмешкой слушал очередной спор Сеницкой и Чистякова. На этот раз – о настоящей любви. Чистяков вел «Газель» в сплошном потоке машин на трассе и откровенно поясничал, делая вид, что горячо отстаивает свои убеждения. Ольга в запале спора этого, как обычно, не замечала.

– Настоящая любовь – это еще и ответственность, – настаивала Сеницкая, – это готовность к самопожертвованию ради любимого человека!

– Ну, милая, – покачал головой Игорь и подмигнул Мостовому, – тут ты начинаешь противоречить сама себе. Ответственность, готовность – это все из категории разума, от рассудка. А ты настаиваешь, что любовь – это духовная близость, эмоциональный подъем, ослепляющее чувство.

– Я про ослепляющее чувство ничего не говорила, – возразила Сеницкая, но договорить ей не удалось.

Мостовой выбросил окурок и потянулся к рации. Спорщики сразу же замолчали и насторожились. Вызов дежурного МЧС, как правило, не сулил ничего хорошего. Чистяков, услышав, что дежурный спрашивает о месте нахождения бригады спасателей и как далеко они от перевала Чунгат, сразу стал прижиматься к обочине дороги. Сеницкая помогала Борису разворачивать карту на приборной доске и задумчиво покусывала нижнюю губу. Задача бригаде ставилась не совсем обычная.

На Чунгат любили водить группы начинающих. Там находилась очень удобная и популярная у скалолазов стена утеса Ключ. Кто и когда так окрестил его, Чистяков не знал. Сколько он себя помнил, всегда звучали фразы «сходить на Ключ», «тренировка на Ключе». Название было очень меткое. Если въезжаешь на машине в ущелье с севера, то с правой стороны, сразу же, на фоне неба появляется скала, которая по форме точь-в-точь напоминает ключ птицы, торчащий снизу вверх. Как будто птица лежит на земле. Если в ущелье въезжать вечером, когда небо начинает темнеть, то чернеющий Ключ на темно-синем небе выглядит очень зловеще. Размытый рисунок темнеющих гор рисует в воображении и саму тушу гигантской дохлой птицы, нависшей над перевалом.

По сообщению дежурного, случилась неприятность с парнишкой из группы начинающих скалолазов, которую инструктор привел на Ключ. Подозрение было на острый аппендицит.

– Все горноспасатели сейчас в разгоне. Ближайшая группа сможет добраться до места не раньше чем часов через пять-шесть. «Скорую» я туда уже отправил, – рассказывал дежурный по рации. – Но до Ключа, как я понял, ей не добраться. Ждите их на перевале, бригада номер 53. У тебя там Чистяков – бывший альпинист. Пусть попробует переправить к ребятам врача.

– Эй, эй! – возмутился Чистяков и стал вырывать у Мостового рацию. – Вы что, с ума там все посходили? Там расщелина метров тридцать шириной! Как я вашего врача туда перетащу?

– Игорек, сообразишь там с инструктором группы на месте, – продолжал дежурный. – Ты же Ключ наверняка знаешь.

– Конечно, знаю. Каждая группа переправу наводит для себя, а потом снимает. Там врач на «Скорой» хоть мужик или тетка?

– Успокойся – мужик, – ответил дежурный. – Все равно выхода другого нет. Спроси у Сеницкой, она тебе объяснит.

Ругаясь, Чистяков стал разворачивать машину.

– Он прав, Игорь, – сказала Сеницкая. – Тут часы могут решать все. Мы же не знаем, на какой стадии у него воспаление. Может, у нас в запасе всего пара часов? А потом разрыв – и перитонит. В горах нам его не спасти.

– В самом деле, что ты ругаешься? – спокойно вставил Мостовой. – Вспомни, сколько раз ты с гор людей спускал, да еще и в беспомощном состоянии. Если сможешь больного перетянуть на эту сторону, то здорового врача – тем более.

– Я не по этому поводу возмущаюсь, – пробурчал Чистяков. – Где наши вертолеты, где вертолеты горноспасателей? У них же есть подъемники, для лежачего положения пострадавшего.

– Ну, не на всех же вертолетах, – продолжал Мостовой урезонивать друга. – А на тех, что сейчас есть под рукой, – нет подъемников.

– Вот как раз по этому поводу и возмущаюсь, – не сдавался Игорь, – двадцать первый век на дворе, а у нас не все спасательные вертолеты техникой укомплектованы.

– Ну, пожалуйста Шойгу, – не удержалась от ехидства Сеницкая. – Кстати, тебе самому придется лазить несколько раз через расщелину в лагерь альпинистов. Сначала врача доставишь, меня, а потом необходимые медикаменты.

– А потом все в обратном порядке, – обрадовал Мостовой.

– И все я! – со стоном проговорил Чистяков. – По веревкам я, в мусоропроводы я, на деревья за кошками опять я...

– А я тяжелый и крупный, – напомнил Мостовой. – К тому же я на руководящей работе, а ты у нас альпинист...

– Ну да! – согласился Чистяков со вздохом. – Худенький альпинист. Негр я у вас.

– Негры тоже худенькими бывают, – «утетила» Игоря Сеницкая.

Машина «Скорой помощи» с номером 53 догнала спасателей у въезда в ущелье. Молодой невысокий врач с лысеющим темечком, назвавшийся Иваном, к возможности переправки его через расщелину на веревке отнесся спокойно. Скорее даже с энтузиазмом. Чистяков заявил, что знает место, откуда им придется начинать совместную операцию, и поехал первым. Минут через тридцать обе машины прижались к каменистому склону. Вершина Ключа была хорошо видна с дороги. На отвесной стене скалы кто-то висел на веревках, значит, спортсмены не прекратили тренировку.

Чистяков начал распоряжаться – сейчас он был главным специалистом. Велев врачу «Скорой помощи» и Ольге Сеницкой готовить все необходимое и паковать в один вместительный баул, он с Борей Мостовым двинулся через склон к расщелине. На всякий случай спасатели захватили из своей машины альпинистское снаряжение, которое может понадобится дополнительно.

Расщелина была не шире двадцати метров и примерно такой же глубины. Со стороны ущелья склон ее был обрывистым, почти вертикальным. С той стороны, где устроили свой лагерь альпинисты, край расщелины был более пологий и осыпавшийся. Именно с той стороны можно было спуститься на самое дно расщелины, где протекал небольшой ручей, даже без специального снаряжения. Поэтому Ключ и пользовался такой популярностью. И стена для тренировок подходящая, и условия для лагеря хорошие.

Инструктор группы Влад Пахомов, которого Чистяков прекрасно знал, стоял на другой стороне и махал спасателям рукой. Переправу он навел, по мнению Чистякова, «грамотную». Был лишь один неприятный момент: противоположный край расщелины находился метра на три ниже того, на котором стояли спасатели. Это облегчало доставку врача и медикаментов в лагерь, используя простое скольжение на карабине по веревке вниз. А вот обратная транспортировка, тем более больного, усложнялась тем, что людей придется тащить вверх.

Пока Чистяков договаривался с Пахомовым о своих действиях по переправке, Мостовой вернулся к машинам за врачом, Сеницкой и медикаментами. Игорь готовил страховочную обвязку с карабином, на которых люди будут скользить на противоположный склон, и хмурился. Он помнил, что Ольга боялась высоты. Не совсем уж панически боялась, но высоты больше пятиэтажного дома под ногами для нее было многовато. Осложняло положение и то,

что конец веревки, натянутой через расщелину, крепился на уровне щиколотки. Это значит, что Синицкой и врачу придется сначала перелезть через край обрыва, прежде чем они повиснут на карабине над пропастью. Было проще во всех отношениях, если бы веревка начиналась на уровне человеческого роста, но закрепить ее на такой высоте здесь не было возможности. Поднять больного на край обрыва тоже будет сложновато, понял Чистяков.

– Ну, как? Готовы? – спросил Чистяков обернувшись к подошедшим вместе с Мостовым медикам.

– Ух ты! – покачал головой врач «Скорой» и заглянул в пропасть. – Круто! Так я еще к больным не добирался.

Синицкая промолчала, но Игорь обратил внимание, что девушка немного побледнела. Она мужественно поджала губки и старалась не смотреть вниз. Мостовой ободрительно взял Ольгу за локоть и, чтобы поддержать медика «Скорой помощи», и заодно медика своей бригады, небрежно бросил в пространство:

– Для Игорька этот овражек – пара пустяков. Детская тренировочка для младшего детского садовского возраста.

Первым Чистяков решил переправить врача «Скорой помощи». Это продемонстрирует Синицкой, что ничего страшного в такой переправе нет, да и сам доктор будет держать себя в руках в присутствии девушки. К карабину на страховочной обвязке доктора Чистяков закрепил еще один фал, на всякий случай. Может, понадобится тянуть его назад, если что-то пойдет не так.

Переправа Ивана прошла вполне успешно. Доктор вел себя подобающим образом и даже пытался шутить. Правда, было заметно, что он старался не смотреть вниз. Влад принял доктора, помог ему отстегнуться и помахал рукой. Не без помощи Мостового Игорь спустил на веревку Синицкую. Под ободрительные напутствия спасателей девушка заскользила над пропастью.

– Ну что, Боря, штанишки у всех сухие? – съехидничал Чистяков. – Пора и мне отправляться. Подашь мне медицинский баул?

– Давай двигай, – пробасил Мостовой. – Я здесь посижу, подожду.

Борис должен был тянуть вверх по веревке больного альпиниста, когда Чистяков закрепил его на противоположном краю расщелины. Он же должен был поднять его с веревки. По хорошему, Чистякову следовало бы подняться назад первому, чтобы вдвоем поднимать больного, но Пахомову сложно было справиться с его неопытными подопечными на той стороне. Решили, что Боря с его медвежьей силой останется здесь один.

Повиснув над пропастью, Чистяков принял из рук Мостового баул с медикаментами и лихо заскользил по веревке на противоположную сторону. Выпендрейник, подумал Борис, глядя, как Игорь расставил в стороны руки, изображая крылья. Птицы вперед ногами не летают. Когда альпинисты с медиками отправились к лагерю, Мостовой уселся на камнях, облокотившись спиной, и прикрыл глаза. Можно было и подремать немного, слишком уж хлопотный день выдался.

Больной альпинист лежал в палатке. От него не отходила одна из девушек, наверное, его подружка. Иван похвалил инструктора Влада:

– Правильно сделали, что положили его на правый бок с подогнутыми ногами.

– Опыт, – невесело усмехнулся инструктор. – Приходилось уже сталкиваться с этим. Да и так у него болит меньше.

– Плохо другое, – покачал головой врач «Скорой помощи», – то, что парню в любом другом положении больно лежать. Давай, дружок, посмотрим твой живот, – сказал Иван присаживаясь рядом с больным.

Парень со стоном повернулся на спину. Иван задрал на животе его одежду и стал ощупывать низ живота. Лицо врача становилось все более хмурым. Чистяков стоял рядом и выжидающе смотрел то на Ивана, то на Синецкую. Ольга тоже начинала хмуриться.

Наконец врач «Скорой помощи» опустил задранную одежду альпиниста и посмотрел на Синецкую снизу вверх.

– Ну что, коллега? Мы с вами наблюдаем ярко выраженный синдром раздражения брюшины.

– Это когда как? – насторожился Чистяков, глядя на серьезные лица медиков. – Что это значит?

– Это означает, что больной ощущает боль не только в момент нажатия, – пояснила Ольга, – но и особенно в момент ослабления давления руки на брюшную полость.

– Может, пойдем покурим? – со странным энтузиазмом предложил Иван и выразительно посмотрел на Синецкую.

Ольга молча кивнула головой и стала подталкивать Чистякова к выходу. Врач «Скорой помощи», вытаскивая на ходу сигареты, отошел в сторону от палатки и закурил, ожидая, когда к нему подойдут Синецкая, инструктор группы и Чистяков.

– Намек я понял, но не уловил деталей, – проговорил Игорь и посмотрел в глаза Ивану.

– Да, ребята, давайте конкретнее! – поддержал его встревоженный Влад Пахомов.

– А куда конкретнее? – спросил Иван, задумчиво затягиваясь сигаретой. – Парня нужно срочно на операционный стол. Там уже гнойное воспаление. Прорваться может в любой момент. Если бы речь шла только о том, чтобы уложить его на носилки и довезти по асфальту до ближайшей хирургии, то я бы рискнул. Но все ваши веревочные переправы приведут к тому, что больной будет напрягаться. А если у него это дело прорвется в процессе переправы? – Врач внимательно посмотрел на Синецкую. – Вы как, коллега?

– Если у вас есть все необходимое, то, наверное, смогу ассистировать, – ответила Ольга. – Только как нам обеспечить необходимые условия?

– Ребята! – вставил испуганный Пахомов. – Вы сейчас о чем?

Медики дружно взглянули на инструктора, но вопрос оставили без ответа.

– Ну и отлично, коллега, – снова заговорил Иван, обращаясь по-прежнему к Синецкой. – А условия, я думаю, мы сможем обеспечить. Главное, чтобы вертолет с подъемником нам обеспечили хотя бы завтра. – Врач повернулся к Чистякову: – Что там в вашей конторе по этому поводу обещали?

– Не позднее завтрашнего вечера, – машинально ответил Игорь, который уже все понял: Иван с Ольгой решились на операцию прямо здесь, в альпинистском лагере.

– Вы что, хотите его резать прямо здесь? – дошло наконец и до Пахомова.

– Ну, что вы, дружочек, – ответил с улыбкой Иван, – как можно? Мы будем оперировать!

– Тьфу! Какая разница? – забегал Влад глазами по лицам всех присутствующих. – Резать, оперировать. Вы что, на полном серьезе?

– Успокойтесь, Влад, – сказала Синецкая. – Я понимаю, что вы лично отвечаете за каждого в вашей группе. Но поймите, что другого выхода просто нет. Любое промедление может угрожать жизни вашего подопечного. Да и вашей вины в случившемся никакой нет. Абсолютно. Вся ответственность теперь лежит на нас.

– Да я не про ответственность! – обиделся Пахомов. – Вы в самом деле считаете, что в таких вот условиях можно провести успешную операцию?

– Молодой человек, – нравоучительно заметил Иван, который был старше инструктора всего лет на пять, – есть такая научная дисциплина, как военно-полевая хирургия, которую проходят во всех вузах. Она как раз и предусматривает оказание помощи в подобных условиях. А я к тому же хирург. Да и операция эта лишь называется так громко. По сути, это послойное вскрытие брюшины, перетягивание у основания воспаленного отростка и его удаление путем

отстригания. Все! Вот если гной прорвется в брюшную полость, вот тогда будут большие проблемы, даже для условий современного хирургического стационара. Понимаете?

– То есть ничего опасного в этой операции нет? – несколько успокоился Пахомов.

– Абсолютно простая операция, которую может провести любой студент-медик. Дело не в этом.

– А в чем? – снова насторожился инструктор.

– В том, что любая операция имеет определенный процент риска. Даже удаление зуба. Видите ли, Влад, все это настолько индивидуально, что давать гарантии на сто процентов никогда нельзя. Есть личная непереносимость каких-то медикаментов, а нам придется использовать хотя и местную, но анестезию. Есть другие реакции организма, абсолютно непредсказуемые. Это все журналисты придумали насчет врачебных ошибок. А на самом деле мы о человеческом организме знаем очень мало, несмотря на все грандиозные, казалось бы, успехи и достижения медицины. Вам могут за всю жизнь сделать десятки и даже сотни уколов какого-то определенного антибиотика, а на двести первом у вас просто остановится сердце или возникнет аллергическая реакция, которая приведет к почти мгновенному летальному исходу.

– То есть риск все равно есть?

– Риск существует всегда. Другое дело, что в клинических условиях мы с коллегой были бы больше готовы к возможным неожиданностям. Но тут уж ничего не поделаешь. Придется нам идти на этот риск. Выхода другого просто нет. Если не оперировать, то парень погибнет. А если оперировать здесь и сейчас, то у него очень хорошие шансы выжить. Понимаете, каков расклад?

– А я так понимаю, – вставил Чистяков, – что мне придется срочно перебираться на ту сторону за всем необходимым в вашу машину.

– Совершенно верно, – согласился Иван и повернулся к Ольге: – Вы, коллега, небось общую терапию заканчивали? Чего-чего, а аппендиксы удалять и при асфиксии трубки вставлять вас учили. Какие-нибудь повышения квалификации проходили по линии вашей медицины катастроф?

– Да, два года назад как раз по экстренной хирургии, а в прошлом – по синдромам...

– Ну, тогда все отлично. Что нам с вами нужно в первую очередь?

– Стерильный хирургический инструмент у вас наверняка есть, – ответила Ольга, а вот лигатура для перетягивания воспаленного аппендикса, кетгут для внутренних швов?

– Тут у нас полный порядок, – кивнул Иван. – Этим машина укомплектована, есть у меня там целый чемоданчик с упаковками. Но это не главное, главное – нам нужен мощный антибиотик и на всякий случай сильный стимулятор сердечно-сосудистой деятельности и местная анестезия. – Иван мечтательно посмотрел на Чистякова и Пахомова, оседлав, судя по всему, своего любимого конька. – Помнится, нам рассказывали, как в полевых условиях зашивали всем, что под руку подвернется, а потом в более подходящих условиях вторично вскрывали швы и снова зашивали по науке. Вот это экстремальные условия! А сейчас, ребята, двадцать первый век, так что все будет в ажуре.

Чистяков дождался, пока Иван напишет записку своей медсестре, которая осталась в машине «Скорой помощи», с перечнем того, что нужно для операции, и направился к расщелине. Сам Иван вместе с Синицкой стали готовить больного альпиниста к операции. Пахомов в два захода перетянул по веревке через пропасть все, что Чистяков принес из машины, включая два сильных аккумуляторных электрических фонаря из машины спасателей и еще один – из «Скорой помощи».

Пока шла операция, Чистяков разглядывал девчущку, подружку пациента. Она не могла усидеть на месте и все время ходила возле палатки, прислушиваясь к происходящему внутри. Девочка была молоденькой, свеженькой и очень миленькой. Глаза спасателя, когда он глядел на юную скалолазку, делались масляными сами по себе. Фигуры из-за мешковатой теплой куртки

разглядеть было нельзя, но Игорь представил ее себе во всех деталях, дорисовывая в мозгу невидимые глазу детали. С одной стороны, несолидно подбивать клинья к девушке беспомощного паренька, но с другой стороны – это всего лишь операция по удалению аппендикса. Ну, полежит он потом в больнице немного и выйдет оттуда ничем не хуже, чем все остальные. Мало ли, какие у них там отношения. Совершенно необязательно, что они у них на всю оставшуюся жизнь. «Хотя, – поймал Чистяков себя на мысли, – я ведь не собираюсь на ней жениться. Нет, не то чтобы так уж определенно... Может, она как раз и есть та самая уникальная и единственная, с которой я захочу связать себя по рукам и ногам навсегда. Просто сейчас, на стадии знакомства, не стоит строить таких далеко идущих планов». Если девочке нет еще и восемнадцати, а на это было очень похоже, то планов не стоило строить вообще никаких, с этим у Чистякова было строго. Но не уделить этой горной козочке совсем никакого внимания спасатель не мог по определению. Натура толкала его на поступок, который мог бы привлечь к нему внимание. Без внимания девушек Чистяков не мог обходиться, как и без воздуха.

Игорь осмотрелся по сторонам, и его внимание привлек южный, относительно пологий каменистый склон. Дальше он переходил в небольшое скальное нагромождение, потом в сильно изрезанную трещинами стену. А вот выше располагалась, судя по всему, как раз подходящая горизонтальная площадка. Высота здесь, насколько Чистяков помнил, около тысячи пятисот или тысячи семисот метров. Значит, та площадка, на которую он смотрел, лежит как раз выше тысячи восьмисот метров. А сейчас начало июня, значит, эдельвейсы еще цветут. Решение было принято мгновенно.

– Влад, слушай, – позвал Чистяков инструктора, – подстрахуй меня на немного, если нашим медикам чего понадобится. Я отлучусь на часок или полтора.

– Ты куда? – не понял Пахомов. – На ту сторону, к своей машине?

– Нет, на эту, – отмахнулся Чистяков, не собираясь вдаваться в подробности предстоящего предприятия. – В магазин за пивком хочу смотаться.

– Не понял? – снова удивился инструктор.

– Потом поймешь. Очень надо. Ты просто побудь здесь, если ребятам нужно будет что-нибудь принести из машины, ладно?

Чистяков подмигнул Пахомову, подхватил чей-то пояс с титановыми клиньями, бросил на плечо моток капроновой веревки и зашагал в сторону склона. Инструктор продолжал удивленно смотреть ему вслед, но вопросов больше не задавал. Чистяков, которого хорошо помнили и альпинисты, и горные спасатели, славился своими чудачествами и приколами. Опять парень что-то придумал.

Подъем оказался легким и неинтересным. Чистяков и сам когда-то водил сюда группы начинающих, но на этом склоне новичков ничему не научишь, поэтому сюда никто и не ходил. Через двадцать минут спасатель был уже в нужном месте и, к своей великой радости, обнаружил то, что искал.

Когда начало уже смеркаться, в лагере группы развели большой костер. Чистяков подошел к рядам палаток и увидел, что Синицкая и врач «Скорой помощи» Иван стоят около костра и разговаривают с Пахомовым. Игорь спрятал маленький букетик под куртку, бросил на землю веревку и пояс и подошел к медикам.

– Ну, как наши дела, хирурги? – спросил он весело.

Только теперь до Игоря дошло, что, отлучившись, он поступил, мягко говоря, непрофессионально. Могла понадобиться любая помощь, возникнуть любая непредвиденная ситуация. «Мальчишество, – решил Чистяков про себя. – Сейчас мне от Ольги влетит, а потом еще и от Борьки. Она обязательно нажалуется Мостовому». Но медики не сказали ни слова по поводу его отсутствия.

– Все хорошо, – ответил Иван, – можно сказать, что пока во всех отношениях хорошо. Но о том, чтобы парня сейчас транспортировать по вашим веревкам к машине, не может быть

и речи. Швы могут разойтись. Если завтра к вечеру будет вертолет со спецподъемником, то можно его и вывезти. Надеюсь, ваше начальство без вас до завтра обойдется?

– Иван предлагает нам остаться, чтобы я могла понаблюдать за больным до прилета вертолета, – пояснила Ольга. – Все-таки не стоит его вот так бросать здесь без врача. Мало ли что. Вдруг температура поднимется или шок от антибиотиков. «Скорой помощи» нет смысла здесь торчать, но врачу лучше подежурить.

Чистяков эту идею воспринял с таким энтузиазмом, что все удивились.

– А что, это идея! – воскликнул он. – Ольгиной квалификации хватит вполне на любой случай. Да и мы с Борей, если что...

– Особенно вы с Борей! – ехидно прокомментировала Синицкая, которая стала догадываться, что энтузиазм Игоря разгорелся не на пустом месте.

– Ну, вот и договорились, – кивнул головой Иван. – Кое-что из необходимого я вам оставляю. Можете меня переправлять назад к машине.

Перед тем как взяться за переправку врача «Скорой помощи» назад к его машине, Чистяков подбежал к девушке, которая переживала за своего больного друга.

– Держите, это вам, – проворковал спасатель, доставая из-за пазухи букетик цветов.

– Ой! Что это? – восхитилась девушка. – Это эдельвейсы, да?

– Эдельвейсы, – подтвердил Чистяков, – самые романтические цветы на свете. Они приносят удачу и берегут альпинистов.

– Спасибо, – пробормотала девушка и покраснела от удовольствия. Как же, такой парень, как этот мужественный и опытный спасатель, в прошлом альпинист, которого все знают, и подарил ей букетик эдельвейсов. Обратил на нее внимание!

Чистяков бросил на девушку влюбленный взгляд, от которого у большинства из юных созданий, как считал Игорь, обычно делается сердцебиение и головокружение. Остальные действия он решил оставить на более позднее время, не перегружая объект своего внимания положительными эмоциями. В этом вопросе у него имелась своя проверенная тактика.

Спасатели решили, что с их служебной «Газелью» на диком и пустом перевале ничего не случится. Машину заперли, Мостового перетащили в лагерь альпинистов вместе с небольшим пакетом НЗ спасателей. Помощь помощью, но все-таки объедать ребят не стоило. Ольга не стала сидеть у костра в компании, а отправилась сразу на свое дежурство. Ей устроили постель в палатке рядом с больным, где Синицкая собиралась провести ночь в полудреме, приглядывая за состоянием прооперированного парня.

Игорь с Борисом сидели у костра среди молодежи. Инструктор Влад только посмеивался и качал головой, слушая байки, на которые Чистяков был горазд. Он их знал и слышал неоднократно. По большей части это был не вымысел, а художественное оформление реальных событий, участником которых был Чистяков. Правда, оформление это иногда было таким насыщенным, что реальные события терялись в них, как иголка в стоге сена. Были в репертуаре Чистякова и откровенные страшилки, рассчитанные прежде всего на молоденьких девочек, – это Пахомов тоже знал, как и Мостовой. У Бориса с Игорем была даже небольшая договоренность. Боря местами немного подыгрывал другу для создания пущего эффекта.

Закончив очередную историю про «суровые будни» горного спасателя, Чистяков перешел к колоритным эпизодам в работе МЧС. Здесь уже начиналось поле откровенных страшилок для детей.

– Это произошло несколько лет назад в Турции, во время сильного землетрясения, – с самым серьезным видом рассказывал Чистяков, предварительно строго взглянув в сторону Пахомова, который знал, что Игорь в МЧС работает всего два года. – Нас тогда забросили туда на самолетах с гуманитарной помощью. Ну, сами понимаете: палатки, одеяла, дизельные генераторы, медикаменты, продукты. Мы там занимались поиском людей под завалами. А перед этим, – как бы спохватившись, вставил Игорь, – случилась у меня серьезная любовь. Девушка

там у меня была. Работала она в туристическом бизнесе и часто летала в Турцию по своим служебным делам. Все у нас с ней было очень серьезно.

Тут Чистяков сделал настолько серьезное и глубокомысленное лицо, что никто из молодежи и не подумал о предстоящем подвохе.

– Мы с ней встречались тогда уже почти год. Стройная она была, как модель, кожа дивная, бархатистая. А еще у нее были удивительно ухоженные и красивые ноготочки. Вы себе не представляете, сколько она времени им уделяла!

Тут Чистяков решил сильно не распространяться, потому что имел слабое представление о том, сколько времени девушки могут уделять своим ногтям. Главное было не это. Главное было в абсолютной черноте горной ночи, под потрескивание костра, который пускал по лицу рассказчика кровавые отблески, напустить тихого ужаса, который в момент кульминации вызывает, это было уже неоднократно проверено, истощный девчачий визг.

– Очень любил я ее руки, ребята, до чего приятно – прикоснуться к ним губами. Ну вот, вылетели мы тогда в Турцию. Помогаем местным властям со своими приборами для поиска людей, лазаем по руинам. Сколько мы тогда искалеченных и побитых достали – ужас. А трупы... Представляете: жара, смрад, трупы начинают разлагаться, дышать нечем. Смотрим: нога торчит из-под камней. Начинаем камни разбрасывать, кран подгоняем, чтобы плиту поднять. Поднимаем, а она отдельно от тела, скрюченная синяя и опухшая. Тело оказалось раздавленным в буквальном смысле слова. Вот мы эту ногу в пластиковый мешок, туда же останки тела, внутренности соскабливаем с камней и тоже в мешок.

– А внутренности-то зачем? – сдавленным голосом тихо спросил один паренек.

– А как же! – воскликнул Чистяков. – Это в таком жарком климате первое дело. Если их оставить, то они будут продолжать гнить и разлагаться, а это – инфекция, может эпидемия начаться. Внутренности мы обязательно соскабливаем, правда, Боря?

Мостовой неопределенно покачал головой и издал хмыкающий звук, который прозвучал как подтверждение. На самом деле Мостовой с большим трудом сдерживал смех, слушая, как Чистякова «понесло».

– И вот, как-то вечером, я звоню этой девушке, и выясняется, что она как раз находится в Турции. Искать мне ее, сами понимаете, некогда – работа прежде всего. Лазаем мы по завалам, и тут происходит второй очень мощный толчок. – Чистяков сделал многообещающую эффектную паузу. – И меня заваливает обрушившейся стеной дома. Оглушенный, весь в пыли, я оказываюсь в подвале, погребенный тоннами кирпича, бетонных плит и железной арматуры. Прихожу немного в себя и чувствую, что не могу пошевелиться. Пространства вокруг меня, свободного для движения, практически нет. Пошевелил руками, ногами, вроде все цело. Повезло! Такое у спасателей бывает раз в жизни. Лежу кашляю, жду, когда меня начнут искать и откапывать. Храбрюсь, конечно. Тут ведь дело такое: могут и через час откопать, а могут и через неделю. Все зависит от того, сколько там сверху на мне обломков здания. Решаю лежать и экономить силы. Самое страшное, что мне грозило, – умереть от жажды. Страшная, я вам скажу, смерть. От голода умирать не так мучительно. На второй или третий день чувство голода притупляется и остается только слабость, а вот жажда сушит человека постоянно и все время усиливается. Были случаи, когда человек от жажды сходил с ума.

Как в подтверждение своих слов и для усиления эффекта, Чистяков взял свою кружку и сделал несколько глотков остывшего чая. Эффект был достигнут. Спасатель заметил, как несколько наиболее впечатлительных юнцов тоже сделали по несколько судорожных глотков чаю. От рассказов Чистякова у них стало пересыхать во рту.

– Лежу час, лежу второй... – продолжал рассказывать Игорь, – ...и вдруг чувствую, как на меня начинает что-то капать, на лицо. Сначала я обрадовался, что это, может быть, вода. Например, просочилась из разорванного водопровода. Но капли какие-то густые и запах больно знакомый. Подношу руку к лицу, вытираю и подношу к глазам. Кровь. Значит, где-то

выше меня лежит тело. Раздавленный труп, а из него вытекает кровь. Это я решил потому, что такое количество крови может просочиться сквозь обломки только из мертвого. Человек не может остаться в живых, если из него вытекло столько крови.

Слушатели, особенно девушки, стали поеживаться, будто замерзли. Курточки на них стали запахиваться плотнее, а тишина у костра стояла гробовая. Даже Влад Пахомов, похоже, купился на рассказ известного балагура и болтуна Чистякова. Мостовой курил, глядя в костер без всякого выражения на лице.

– И вдруг чувствую какое-то шевеление возле моих ног, – продолжал свой страшный рассказ Чистяков. – Посмотреть толком не могу, потому что голова поворачивается только чуть-чуть. Но точно чувствую шевеление. Может, кошка или собака, а может, змея? Змея – это плохо. Змеи от такой вибрации, которую издает землетрясение, приходят в бешенство, а в Турции полно ядовитых змей, как у нас в Азии. И вот это шевелится у меня в ногах, шебуршится, разгребает битый кирпич и ползет. И знаете, что мне в тот миг показалось? Очень похоже, как кто-то рукой разгребает завал потихонечку. Звуки такие специфические. Мне, как спасателю, это сразу показалось знакомым. Неужели, думаю, кто-то живой рядом шевелится или это меня уже откапывают? Но самое странное, что эта мысль никакой радости мне не доставила. Что-то в этом шевелении было неестественным. И человек остаться в живых под такой грудой камней не мог, и меня откопать так быстро не могли. К тому же откапывать пришлось бы с использованием тяжелой техники, и шуму от этого процесса было бы много. Никак не ошибешься. Не поверите, но мне тогда страшно стало!

После этой фразы Чистяков посмотрел в лица своих слушателей, чтобы проверить, поверили или нет в то, что ему, бравому спасателю, стало страшно.

– Холодок какой-то пошел у меня по ногам. А оно все шевелится и шевелится. Вот уже и камушки у меня возле ног зашевелились. И вдруг ЭТО коснулось моей ноги, – выпалил Чистяков таким голосом, что даже у Пахомова мурашки побежали по спине. – И стало двигаться по моей ноге вверх. Чувствую, это рука, человеческая рука. Очень четко я ощутил пальцы, которые перебирались по моей ноге. У меня и мысли не возникло, что это живой человек меня трогает за ногу, потому что пальцы на этой руке были холодными, как лед. Тогда я впервые ощутил на себе, что означает выражение «могильный холод». И чувствую, что звуков ползущего тела человека я ведь не слышу! Шума от него было бы больше. А рука все перебирает штанину, упирается в меня своими ледяными пальцами и ползет по ноге все выше и выше. Вот уже и до колена добралась. Ноги у меня сразу замерзли, будто я в тридцатиградусный мороз на снегу лежу или в холодильнике засел. И вот рука перебралась уже через колено до бедра. Тут уж я смог повернуть голову и посмотреть, что же по мне ползет. Рука! Посиневшая, с черными от запекшейся крови ногтями. И вижу, что она самым страшным образом оторвана по локоть. Даже кость торчит в том месте, где должен быть локтевой сустав. Сухожилия волочатся, течет кровь. Не должна течь, а течет, пульсирующими такими толчками. И от этой крови, которая пропитала штанину, становится холодно, как от жидкого азота. А самое главное, что я узнаю эту руку – она принадлежала моей девушке. Как будто она у меня помощи ищет, к лицу ползет. Вот уже на живот перебралась, а у меня все кишки аж холодом сковало. Чувствую, доберется она до груди, и сердце у меня остановится от дикого холода. Я тяну свои руки, чтобы ее схватить и оторвать от себя, а они меня не слушаются. А она все ближе и ближе к лицу. Чувствую, что к горлу тянется. Еще немного и схватит меня за плечо. И тут рванули так, что все вокруг ходуном заходило, начало рушиться, и мне в ухо как заорут...

– Игорь, вставай! – раздался в гробовой тишине у костра сочный бас Мостового. – Нам на выезд!

Кульминация получилась на славу, Боря не подвел. Аудитория взвизгнула девичьими голосами, и даже парни вздрогнули. Влад Пахомов разразился таким зычным хохотом, хлопая себя от удовольствия по коленям, что догорающий костер вспыхнул с новой силой. Следом за

ним дружно захохотали и спасатели. С довольным видом Чистяков взирал на свою аудиторию и разводил руками, мол, такой вот сон, ничего не поделаешь. Все, как есть, рассказал!

Когда шум и бурные комментарии улеглись, инструктор, вытирая слезы и с трудом успокаиваясь от смеха, предложил:

– Ты, Игорь, рассказал бы чего-нибудь настоящее, а то детвора сегодня не уснет ночью. У вас, спасателей, и без мистики приключений хватает. Расскажи-ка ты им лучше про эдельвейс.

– Про эдельвейс? – тут же переспросила девушка, которой Чистяков вечером подарил букетик цветов с горного склона. – Романтическая история про цветы?

– Про цветы, – утвердительно кивнул Чистяков и переглянулся с Борей Мостовым. – Точнее, про цветок. Была у нас в прошлом году здесь одна история...

* * *

...В город спасатели вернулись только под вечер. Солнце было еще высоко, но дневная жара стала заметно спадать. Чистяков, сидя на пассажирском сиденье рядом с Синицкой, высунил голову из «Газели» и наслаждался встречным ветерком, трепавшим ему волосы.

– Что это у твоих бывших там за тусовка? – спросил Мостовой, кивнув головой в сторону горноспасательной базы, мимо которой они проезжали.

Чистяков перед тем, как ушел в МЧС, два года проработал горным спасателем, и многие его там хорошо знали. Да и во время отпусков Игорь, будучи заядлым альпинистом, частенько ходил со своими друзьями на восхождения. Сейчас человек шесть спасателей толпились на улице перед базой и что-то с интересом рассматривали. Один из альпинистов повернулся на звук подъезжающей машины и узнал бригаду МЧС, в которой работал Чистяков. Альпинисты тут же замахали ему руками.

– Видать, по тебе соскучились, – сказал Мостовой, включая правый поворотник и останавливаясь возле тех.

Один из горных спасателей, Роберт Маклаков, вышел из толпы своих товарищей с какой-то железкой в руках.

– Здорово, Игорь! Смотри, что я нашел на перевале.

Чистяков выпрыгнул из машины и взял из рук Маклакова то, что ему тот протягивал. Это был заржавевший кинжал в ножнах. Альпинисты, поздоровавшись с Мостовым и Синицкой, столпились рядом.

– Ого, красивая вещь была, – заметил Мостовой, глядя на кинжал. – Джигита какого-нибудь!

– Непохоже, – возразил Чистяков, рассматривая оружие, – узор на ножнах стилизованный, не настоящий. Скорее всего, это оружие русского офицера еще тех времен. Тогда многие себе заказывали такие кинжалы перед тем, как ехать служить на Кавказ.

– Ого, какие познания, – с уважением заметил кто-то из альпинистов.

– Игорек разбирается, – пояснил Маклаков. – Он с профессором Ворониным дружбу водит, а тот всю историю Приэльбрусья и Северного Кавказа знает досконально.

– А что ж тогда Серега Воронин в этих вопросах дилетант, если у него такой начитанный дед-профессор?

– У Сереги другие интересы, – усмехнулся Чистяков.

Горный спасатель Сергей Воронин был внуком известного в городе краеведа профессора Воронина. Славился он вещами, далекими от истории родного края и от науки вообще. Известен Сергей Воронин был тем, что был патологическим игроманом. Он постоянно был всем должен, все обещал, что вот-вот выиграет, и у него есть своя собственная система, которая вот-вот заработает. В целом Серега был парнем неплохим и альпинистом был хорошим. Но вот страсть к игровым автоматам наложила на него неизгладимый отпечаток, сделала его навяз-

чивым и многословным. Чистяков жалел Воронина чисто по-человечески, понимая, что игромания – это болезнь сродни наркомании. К тому же Игорь был уверен, что рано или поздно зависимость от игры толкнет парня на неблагоприятный поступок ради денег, если не дальше – на преступление. Не только Чистяков, но и другие альпинисты пытались поговорить с Сергеем по душам, уговорить его бросить свое нездоровое увлечение. Но все было безрезультатно.

Жалел Чистяков не только самого Сергея, но и его деда – профессора Воронина. Никита Савельевич был историком и знаменитым краеведом. В молодости он лично облазил окрестные горы, ущелья и перевалы, изучил все исторические документы и по сей день являлся непревзойденным экспертом в этой области. Сергей, собственно, и альпинистом стал из-за деда, который с молодых лет таскал его с собой по горам. Страсть к горам Сергей приобрел, а вот к исторической науке и истории своего края, к сожалению, нет.

Несмотря на то что с Сергеем Ворониным Чистяков был знаком очень давно, с его дедом он познакомился только прошлой весной, через Ольгу Синицкую, врача их бригады. Отец Ольги, доктор медицинских наук, был хорошо знаком с профессором Ворониным и частенько приглашал его к себе на дачу, где, как это давно повелось, собиралась научная «богема» города. Правда, профессор Воронин был человеком немного замкнутым, не компанейским, потому бывал у Синицких редко. В то же время Никита Савельевич с большой охотой выступал с публичными лекциями, с удовольствием принимал приглашение на телевидение. Но тут, скорее всего, сказывалась его страсть к своей науке. Он любил много и со вкусом поговорить об истории и очень скучал, когда разговор в компании заходил на совершенно другие, чуждые ему темы.

Жили Сергей со своим дедом вдвоем. Никита Савельевич женился очень поздно и быстро развелся. Точнее, жена от него быстро ушла. Уехала куда-то на север, и получилось так, что Сергей постепенно остался жить у деда. Очевидно, мать к этому отнеслась спокойно, а многие говорили, что и с большой охотой. Это якобы помогло ей устраивать свою личную жизнь. Кажется, с каким-то солидным нефтяником.

Чистяков бывал в гостях у профессора Воронина и с Ольгой, а потом уже и один. Старый профессор как-то благоволил к молодому спасателю, который живо интересовался историей Северного Кавказа. Правда, этот интерес у Игоря был несколько прагматического характера. Чистяков, как и многие альпинисты, подвизался в летние сезоны ходить на «колымные» походы в горы. Водили группы иногородних туристов. Плата была не большая, но и не маленькая, учитывая зарплату горноспасателей. Чистяков раньше тоже промышлял такими экскурсиями, иногда гораздо успешнее своих коллег, потому что умел хорошо рассказывать и много знал.

– Ты где его нашел-то? – спросил Чистяков Маклакова, продолжая рассматривать кинжал.

– На Манхоре. Мы спустились с перевала в ущелье, там в камнях и нашел. Видать, река весной с верховьев принесла.

– Необязательно, – покачал головой Чистяков. – Хотя ничего утверждать не буду. Оставь мне его. Я завтра к Воронину-старшему схожу. Дед наверняка расскажет много чего интересного про такие кинжалы. Только вот почищу его, чтобы рисунок был лучше виден. Да и лезвие от ножен нужно освободить. – Чистяков повернулся к Мостовому, который нависал над его плечом и рассматривал кинжал с высоты своего гренадерского роста. – Борь, чем его лучше всего обработать, чтобы из ножен вытащить?

– Подумаем, – согласно кивнул головой Мостовой, – может, достаточно в керосинчике отмотить. А может, и нет. Если он несколько лет в воде пролежал, то мог так сильно проржаветь, что только ножны резать.

– Жалко портить вещь!

– Можно аккуратно по краю разрезать, а потом спаять. Видишь, – показал Борис пальцем, – здесь кованый шов. Заметно не будет, если аккуратно работать.

* * *

...С восьмидесятых годов Воронины жили в десятиэтажке улучшенной планировки. Тогда ветхий старый двухэтажный дом, в котором жил профессор, пошел под слом. А Воронину от администрации дали трехкомнатную квартиру. Посчитали, что такому заслуженному ученому в квартире нужен обязательно кабинет для работы. Комнаты, правда, были не все изолированными, а только одна, самая маленькая. В ней безропотно ютился внук Сергей. Профессор занимал зал и вторую смежную с ним спальню, но и этого ему, казалось, было мало. Обе комнаты и прихожая были заставлены самыми различными стеллажами, на которых стояли книги, лежали различные экспонаты, подарки и находки. Даже на кухне висело несколько книжных полок. Альпинистское снаряжение самого Сергея хранилось в основном на застекленной лоджии.

Чистяков позвонил старому профессору утром и напросился на встречу, намекнув об интересной находке в горах. Никита Савельевич немного замешкался, и Игорь подумал, что его звонок не очень обрадовал Воронина. Старик был со странностями, выражавшимися в резкой и непонятной смене настроения. Иногда он впадал в какую-то апатию, а иногда, наоборот, как будто махнув рукой на старческие болячки и хандру, вдруг загорался энтузиазмом, начинал говорить с таким азартом, что, казалось, молодец на глазах.

– Конечно, Игорь, о чем речь, приходите, – наконец ответил старый профессор. – Буду рад посмотреть на вашу находку. Это может быть очень интересным.

Судя по голосу, профессор чувствовал себя не очень хорошо. Но Чистяков, передав друзьям свой разговор с Ворониным, сказал, что, по его мнению, плохое самочувствие у стариков бывает чаще всего только от недостатка внимания к своей персоне. А физическое самочувствие у них всегда «не очень». Возраст. Синицкая Игоря поддержала. Она тоже считала, что лучшим лекарством для пожилого человека будет интересное и живое общение. С этим настроением трое спасателей и отправились в гости к известному краеведу.

Дверь друзьям открыл сам Никита Савельевич, Сергея дома не оказалось. Старик был невысок и тщедушен. Он кутался в яркий махровый халат, так что из-под воротника торчала только его голова на цыплячьей шее. Однако седые и редкие волосы гордо топорщились на профессорской голове, намекая на пышную шевелюру, которая там имела в молодости. Профессор был чем-то похож на полководца Суворова. Правда, не сейчас, когда ему нездоровилось и он зябко поеживался в своем смешном халате, а когда глаза его горели огнем во время научного диспута или во время публичного выступления на историческую тему. Короче, когда профессор был в своей стихии.

– Ну-с, молодые люди, показывайте свою находку, – предложил Воронин, усаживаясь за стол в своем кабинете.

Чистяков развернул полиэтиленовый пакет и положил перед профессором на стол кинжал. Сейчас старинное оружие выглядело значительно лучше. После того как Мостовой поколдовал над ним вечер и полночи, кинжал приобрел почти первозданный вид. Еще оставались следы механических повреждений и ржавчины, но рисунок гравировки был виден, и клинок даже выходил из ножен, правда, с небольшим усилием.

– Интересно, – пробормотал профессор, рассматривая оружие и пытаясь освободить клинок из ножен, – и где же вы нашли этот образец?

– В ущелье под Манхорским перевалом, – пояснил Чистяков, помогая профессору вытащить кинжал из ножен. – Боря его немного привел в порядок, а то вид у него был, конечно, не очень.

– Надеюсь, что это не вы, Борис, гравировку так попортили?

– Нет, Никита Савельевич, я его только обработал кое-какими составами, чтобы очистить от грязи и ржавчины. Никаких механических воздействий.

– Ну, что же, молодые люди. – Профессор взял из стола лупу и стал рассматривать гравировки и насечки. – Очень я вас не обрадую. Большой ценности как изделие этот кинжал не представляет. Наверное, и с исторической точки зрения – тоже. Кинжал очень похож на оружие кавказских офицерских войск образца 1904 года. Клинок стальной, прямой двухлезвийный, с четырьмя узкими долами. Характерных признаков в виде аббревиатуры на пяте клинка «ККВ» – Кубанское казачье войско или «ТКВ» – Терское казачье войско здесь нет. Эфес состоит только из рукояти. Рукояти дорогих офицерских кинжалов делали из червонного золота, чего здесь мы не видим. Верхняя и нижняя пуговицы обычно были серебряными. Это не стандартный казачий кинжал, потому что ножны не деревянные и обтянутые кожей, а стальные с гравировкой. Ножны у него, как практически у всех кинжалов, заканчиваются фигурным шариком. В боевом положении: в походе, при езде на лошади, – длинный конец поясного ремня привязывался за наконечник кинжала. Таким образом, он висел параллельно талии и не мешал движению. В начале XX века на вооружение русской армии был принят кинжал кавказских казачьих войск, сконструированный нашим знаменитым оружейником Федоровым.

– Это который изобрел первый автомат? – блеснул эрудицией Чистяков.

– Совершенно верно, – благосклонно кивнул головой профессор спасателю. – Вообще-то в казачьих войсках, особенно кавказских, в начале XX века наряду с уставным оружием было широко распространено так называемое «дедовское» холодное оружие, передававшееся от отца к сыну. Оно, молодые люди, отличалось большим разнообразием. – Взор профессора несколько посветлел. Он имел перед собой благодарную аудиторию, которая интересовалась историей, давала пищу его уму и возможность поговорить на любимую тему. – С ним казакам разрешалось даже выходить на службу. А вот для артиллеристов был принят на вооружение другой кинжал – «Бебут» образца 1907 года – вместо принятой ранее укороченной шашки. Даже вот такой простой кинжал стоил немалых денег для государственной казны. Для удешевления стоимости оружия, в том числе и кинжалов, закупались клинки фабричного производства Златоустовской оружейной фабрики. Они проходили приемку по государственному стандарту и монтировались войсковыми оружейниками. Но это уже нечто другое – кривой солдатский кинжал образца 1907 года. Во время Первой мировой войны у низших чинов пулеметных команд тоже был принят на вооружение прямой кинжал.

– Значит, это все же XX век? – немного разочарованно спросила Ольга.

– Знаете ли, не факт. Дело в том, что по уставу казачьи кавказские войска должны были иметь холодное оружие, оправленное в серебро или белый металл – мельхиор, нейзильбер. Во время кавказских войн горцы, кстати говоря, позаимствовали многие элементы русской культуры. В том числе начался подъем производства украшенного оружия. Под влиянием моды на кавказское оружие серебряники станицы Кубачий (в Дагестане) получили возможность совершенствовать не только национальные орнаменты, такие как «Мархарай», «Тутата», но и осваивать незнакомые. Возник новый орнамент – «Московнакыш», переводимый как «московский рисунок». Офицеры русской армии и казачества заказывали у местных мастеров высокохудожественные изделия. Это послужило большим стимулом для подъема оружейного ремесла, которое постепенно стало превращаться в художественный промысел. Сложность определения возраста и принадлежности этого кинжала к той или иной школе мастеров состоит в том, что, следуя моде, оружейники Кавказа закупали готовые клинки в Европе и России и копировали на них клейма европейских и восточных клинков. Работы разных оружейников отличались по методам резьбы по серебру, чернению, золочению, насечкам по стали, слоновой кости и другим видам ювелирных работ. С XIX века кинжалы изготавливались двух видов: с длинными массивными шариками, клинками длиной 40 – 50 см и шириной 4 – 5 мм. Такие крупные модели делали для высокорослых, физически сильных заказчиков. А с небольшими, узкими, легкими

и изящными клинками – для тех, кто использовал оружие в основном как украшение мундира. В частности, и для дамских охотничьих костюмов, которые имели восточный колорит.

Профессор отложил лупу и взглянул на троицу друзей, которые жадно смотрели ему буквально в рот.

– Могу вам совершенно точно сказать, – наконец сказал Воронин, – что он не грузинский. Грузинский национальный кинжал, разновидность типа «Кама», но с более широким и коротким клинком, рукоять имеет обычно общекавказскую и небольшую полуовальную головку. Кроме того, на них часто встречаются низкие полусферические шляпки загвоздок с круглыми прокладками под ними, с краями, вырезанными в форме лепестков цветка. А на ножнах большое устье с обоймицей и наконечник с треугольными выступами, нередко соединенными тройными фигурными полосками того же металла, пространство между которыми оклеивается кожей. Самое главное, могу сказать, это точно кавказский кинжал, а не иранский, индийский или какой-нибудь еще. Все кинжалы кавказских народностей имеют некоторые весьма характерные различия в форме клинков, долов, рукоятей и отдельных деталей прибора.

Спасатели не стали выводить профессора из состояния задумчивости, рассчитывая, что тому в голову может прийти какая-нибудь неожиданная и очень интересная мысль. Однако Воронин вместо ожидаемого вдруг процитировал Лермонтова: «В серебряных ножнах блистает мой кинжал, Геурга старого изделия».

– Да-да, молодые люди, это Лермонтов, – подтвердил старый профессор. – И он, как страстный ценитель оружия, был прекрасно знаком с известным тифлисским мастером Геургом Эмаровым. Такой, например, эпизод: «...я снял с мертвого кинжал для доказательства... несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру». Да, в те времена клинок, изготовленный известным мастером-оружейником, ценился очень дорого, особенно сделанный на заказ. В конце XVIII – начале XIX века широкой известностью пользовались как раз клинки мастера Геурга. Он изготавливал оружие даже для членов царской семьи. В одном письме, датированном 1817 годом, великий князь Константин Павлович писал, что «имел честь получить азиатскую саблю работы художника Геурга», и благодарил за это генерала Ермолова.

– А что же с этим кинжалом? – не вытерпел первым Чистяков. – О нем можно сказать что-то определенное?

– Да, конечно, – кивнул профессор, с которого с вопросом Чистякова слетела романтическая задумчивость. – Боюсь, что этот клинок из разряда «дрянных кинжалов», которые имели возможность купить себе офицеры русской армии в первой половине XIX века, отправляясь служить на Кавказ. Таких вот дешевых подделок было много в лавках Ставрополя и Пятигорска. В те времена приличия допускали наличие у кавказского офицера дешевого кинжала, нежели полное отсутствие такового. Главное, что этот кинжал изготовлен здесь, на Кавказе, а не, скажем, в Златоусте, в период упадка тамошнего производства в середине – конце XIX века. Это я вам точно скажу, молодые люди. А утерян он был в здешних горах во время боя каким-нибудь бедным русским офицером.

Спасатели поблагодарили профессора, собираясь уходить, когда хлопнула входная дверь. Выходя из профессорского кабинета, друзья столкнулись с Сергеем Ворониным. Парень был угрюм и раздражен.

– Здорово, Серега, – протянул руку Чистяков. – Ты чего такой унылый?

– Да так. Не выспался, – отозвался Воронин-младший. – А вы чего к деду? А, кинжал показывать приносили.

– Ага, – кивнул Чистяков. – Расстрою ребят. Они думали, что нашли драгоценность великую, а оказалось ерундой.

Воронин равнодушно посмотрел на кинжал, который Чистяков держал в руках, явно думая о чем-то своем. Когда спасатели выходили из квартиры профессора, Воронин-младший догнал Чистякова и схватил за руку:

– Слушай, Игорек, дело есть.

– Чего? – удивился Игорь, который никогда в друзьях Воронина не считался.

– Одолжи пару тыщенок до получки? – заискивающе попросил Воронин и для убедительности провел ребром ладони себе по горлу. – Вот так надо.

– Да у меня как-то и нет таких денег, – пожал плечами Чистяков, который понял, что Серега опять проигрался на своих автоматах. – У самого до получки осталось всего ничего.

– Да я верну! – не унимался Воронин. – Ты что, не веришь, что ли?

– Ну, почему сразу «не веришь»? – поморщился Чистяков. – Говорю же, что нет денег.

– А ты у Борьки с Ольгой попроси. Они же тебе друзья.

– А чего я буду просить? – раздраженно заметил Чистяков. – Тебе же надо – сам и проси.

– Мне неудобно... – понурился Воронин.

– Неудобно в почтовый ящик какать, – буркнул Чистяков. – Поменьше к игровым автоматам ходи, вот сразу деньги и появятся. Неудобно ему! Деда бы пожалел, видишь, у него здоровье и так не очень.

– Ты деда сюда не приплетай! – набычился Воронин. – Я свои трачу, заработанные.

– Да вижу я, как ты их тратишь! – сорвался Игорь. – Ты уже всей своей конторе должен, вон, в драных джинсах ходишь! Тебе никто уже в долг не дает, потому что не верят. Ладно, у человека причина серьезная бы была, а то на автоматах своих поиграть ему нужно!

– Я, между прочим, выигрывал, и помногу! Тут система нужна, и я ее изучил. Это временные трудности, мне вот-вот должно повезти, и всем долги раздам. – Воронин вдруг опомнился и снова сбавил тон на просительный. – Так что, не дашь?

– Сказал – нет! – отрезал Чистяков. – И не проси больше.

Воронин вздохнул и остался стоять в дверях, уныло глядя вслед спасателям, заходившим в лифт.

– Что, опять денег просил? – поинтересовался Мостовой, когда дверь лифта закрылась и кабина пошла вниз.

– А чего же еще? – буркнул Чистяков. – Не книжку же почитать. Пропадет парень...

* * *

...Весело насвистывая, Чистяков вышел из душа и бросил полотенце на лавку около своего шкафчика. Дежурство было на редкость спокойным, и он умудрился даже этой ночью часа четыре поспать в комнате отдыха. Мостовой помахал рукой и умчался по каким-то срочным делам. «Вот железный мужик, – с завистью подумал Игорь о друге. – Я вот все равно сейчас приду домой и доберу часиков пять-шесть сна. А Борька еще и по делам отправился. И до вечера будет как огурчик».

– Игорек, – появилось в дверях лицо одного из спасателей, – зайди в дежурку, там тебя парень какой-то спрашивает.

– Иду, – отозвался удивленный Чистяков, натягивая футболку на еще влажное тело.

Пройдя по коридору, он увидел на лавке около окна дежурного сидящего Сергея Воронина. «Неужели опять денег пришел просить? – с неудовольствием подумал Игорь. Он уже придумывал, как отвязаться от назойливого альпиниста. Друзьями с Ворониным они никогда не были, просто они работали когда-то вместе, и все. – Не соскучился же он по мне».

– Игорь, привет! – вскочил с лавки улыбающийся Воронин, увидев подходившего спасателя.

– Ты что, опять? – вместо приветствия спросил Чистяков. – Я же тебе сказал, что...

– Да нет! – махнул рукой Сергей с натянутой улыбкой. – Я не за деньгами. У меня к тебе предложение. Ты домой? Пойдем, я тебе по дороге расскажу.

– Ну, пошли, – вздохнул Чистяков, доставая на ходу сигареты.

Ничего хорошего Игорь от этого разговора не ожидал. Знал он Воронина, как облупленного, сплошные шкурные интересы.

– У тебя ведь выходные теперь после дежурства? – не столько вопросительно, сколько утвердительно заметил Сергей. – Хочешь скалымить?

– Не понял? – проговорил Чистяков и от удивления даже остановился посреди улицы.

– Хочешь вместо меня группу в горы сводить? Всего на пару днейков.

– А сам-то что? – с подозрением спросил Игорь. – Тебе ведь постоянно деньги нужны. Или пара тысяч для тебя уже не деньги?

– Игорек, да я тебе по дружбе предлагаю. Ну, и чтобы не обижался на меня.

– А с чего ты взял, что я на тебя обижаюсь? – удивился Чистяков.

– Ну, это я так, – пожал плечами Воронин, – к слову. Понимаешь, у меня что-то с желудком в последние дни нелады. Вторые сутки на фталазоле живу.

– А что, желающих тебя заменить у вас в отряде нет? Вы же вроде всегда этим делом подрабатываете?

– Да, как-то так получается, что никто сейчас не может. Кто на дежурстве, кто после дежурства, у кого семья. Ну, что? Возьмешь группу?

– И когда?

– Завтра, – обрадованно затараторил Воронин. – Группа небольшая, восемь человек. Все начинающие, так что маршрут не категорийный. Проведешь с одной ночевкой, про горы историческую справочку выдашь. Ты же мастер на всякие рассказы. Тебя мой дед за это знает как уважает? Говорит: все бы такие любознательные были, как Игорь.

Чистяков хотя и понял, что Воронин ему сейчас откровенно льстит, но все же почувствовал удовольствие. К тому же Сергей не врал: профессор Воронин симпатизировал Чистякову из-за интереса спасателя к краеведению. Да и сшибить пару тысяч, когда до полочки оставалась неделя и деньги почти кончились, было как раз кстати.

– Ладно, уболтал ты меня, красноречивый, – с усмешкой сказал Чистяков. – Возьму я твою группу.

– Ну, вот и спасибо, – обрадовался Воронин, – а то не хотелось мне контактов терять с турбюро. Считаю, что выручил меня. Побегу я, – вдруг изменился Воронин в лице и приложил руку к животу. – Что-то вроде опять мутить меня начинает.

– Давай шуруй, – кивнул Чистяков, настроение которого улучшилось. – Смотри, не расплескай по дороге.

Маленький червячок подозрения все же шевельнулся у Игоря внутри. Он по себе помнил, когда работал горным спасателем, что ради таких вот подработок ребята и дежурствами менялись, и на другие ухищрения в разгар туристического сезона шли. Что не нашлось желающих заменить Воронина, верилось с трудом, хотя ничего невероятного в этом и не было. Может, действительно все в разгоне? А может быть, Сергей специально не стал никому из своих предлагать подмену, чтобы завести дружбу с Чистяковым? Только вот зачем она ему нужна, эта дружба? Денег он ему не одалживает. Надеяться, что теперь будет давать, – глупо. Что Чистяков – парень с характером, знали все. Из-за того, что к нему хорошо относится дед Воронина? Ну, относится, и что? Какая Сереге от этого корысть? Дед будет на игру давать денег со своей профессорской пенсии только потому, что Серега дружит с Чистяковым? Тоже глупо. «Ну, и ладно, – решил Игорь. – Какая мне разница? Деньжат подзаработаю, удовольствие получу. А то давненько я в горах уже не был. Хотя новички – не очень большое удовольствие, их в маршрут высокой категории не поведешь. Так только, горным воздухом подышать да перед девчонками

хвост пораспускать. Кстати, – убыстряя шаг, подумал Чистяков, – чего я его о составе группы не спросил? Может, там девчонок и нет совсем».

* * *

– Все, ребята, последний привал перед спуском! – скомандовал Чистяков. – Можно умыться, оправиться и облегчить рюкзаки.

Вид с этой площадки на долину открывался, по мнению Чистякова, шикарнейший. Группы туристов часто делали здесь последнюю остановку перед спуском. Здесь были, кроме прекрасного вида для любования и фотографирования, еще чистый горный ручей и большое количество крупных валунов, позволявших опрavlять естественные надобности сразу большому количеству людей, не заставляя остальных отворачиваться. Альпинисты называли это место «женским биваком».

– Мальчики налево, девочки направо, – продолжал командовать Чистяков. – Всю еду из рюкзаков на траву! Костер разводить вон там, у камней.

Через полчаса закипела вода в ведерном походном котле. Пока девушки резали хлеб, колбасу и принимали из рук парней лихо открытые консервные банки, Чистяков контролировал процесс заварки чая – принимал зачет по альпинистским таинствам. Наконец группа угомонилась и, с удовольствием вытянув натруженные ноги, громко зачавкала едой и захлопала горячим душистым чаем. Игорь по опыту знал, что молчания у ребят хватит минут на пятьдесят, не больше. Слишком много впечатлений для новичков, к тому же близко расставание друг с другом и горами, в которые многие буквально влюбились.

– Скажите, Игорь, – первым прервала общее молчание девушка, по виду еще школьница старших классов, – а в этих местах, где мы были, во время войны шли бои?

– О, еще какие, – ответил Чистяков. – Через эти перевалы немцы рвались к каспийской нефти.

– А как же здесь можно было воевать? – спросил один из парней. – Маленькими группами пробираться горами и друг на друга нападать? Какие же это бои? Так, маленькие стычки. А перевалы, наверное, легко было взрывами перекрыть, вот и не прошли немцы.

– Плоско мыслишь, парень, – нахмурился Чистяков, – перевалы взрывами перекрыть! Через эти перевалы эвакуировали мирное население, детей, стариков, женщин. Через них угоняли от немцев скот, вывозили оборудование заводов. А назад шли боеприпасы, продовольствие, медикаменты, оружие. Как ему просто! А ты знаешь, что с обеих сторон воевали специализированные саперные части и подразделения горных орудий? Потери были жуткие с обеих сторон. Причем очень много погибало не от пуль и осколков, а сорвавшись в пропасть со скал. Особенно раненых. Если в поле человек мог надеяться, что его санитары вытащат в тыл, то здесь ранили тебя, значит, ты сорвался вниз. Ветераны мне рассказывали, как освобождение Кавказа шло. Идет наша часть в наступление, выбивает немцев, освобождает аул, а в батальонах бойцов, дай бог, на взвод наберется. А приказ: идти вперед! Командиры своей властью ставят в строй всех мужчин, что в ауле находились из местных, и снова в бой. В следующем же бою всех вновь призванных и кладут до единого! Отбивают следующий аул, и все по новой.

– А правда, что с нашей стороны здесь только альпинисты воевали?

– Откуда же столько альпинистов наберешься, да еще в самый разгар войны? Их ведь надо по всем фронтам собирать. Никто же не предполагал, что немцы на Кавказ прорвутся. Что, заранее сформировать целые дивизии из одних альпинистов? Нет, воевали самые обычные солдаты. Были, конечно, и специальные подразделения, и целые полки, сформированные из альпинистов, но применялись они для специальных и особо сложных операций. Фильм «Белый взрыв» никто из вас не видел? Хотя вы фильмы шестидесятых – семидесятых годов и смотреть

не станете... Там как раз и показывалась такая операция, когда альпинисты поднимались на снежник, чтобы взрывом вызвать лавину на немцев, оседлавших перевал.

– А вы оружие здесь не находили во время восхождений? – с горящими глазами спросил еще один паренек.

– Находили, конечно, – ответил Чистяков. – И с прошлой войны, и еще с царской кавказской войны. Кстати, и останки солдат находили. И наших, и немецких. Потом еще не разорвавшиеся снаряды и мины тоже находили. Кстати, сами ими и занимались. Не я, конечно, но у нас в МЧС есть спецподразделения по разминированию и особо опасным ситуациям.

– А что еще интересного здесь в горах находили? – снова спросила первая девушка.

Чистяков понял, что пора разряжать обстановку, которую он сам напряг, попрекая сопливую молодежь незнанием отечественной истории и старых советских фильмов. Придется развлекать обычным способом, решил он.

– Много чего находили, – с показным равнодушием ответил Игорь. – Клады, например.

– Клады? – оживилась молодежь.

Вот так всегда, с сожалением подумал спасатель, про людей им неинтересно, события и подвиги им неинтересны, а про золотые побрякушки готовы слушать часами. Вот она, молодежь современная. Игорь не считал, что по возрасту он слишком уж отличается от своих слушателей, но то, что восемнадцати- и двадцатилетние интересуются больше материальными ценностями больше, чем духовными, его порядком раздражало.

– Конечно, не клады как таковые, – стал он рассказывать, – не закопанные в землю сундуки с дублонами. Находили то, что перевозилось через горы и каким-то образом здесь терялось. Или в пропасть срывалось, или под обвал попало. Кто-то свои ценности, например, перевозил, а кто-то государственные. В свое время здесь было много разбойников. Награбленное тоже находили.

– И много находили? – с горящими от возбуждения глазами спросил один из парней.

Чистякову невооруженным глазом было видно, что паренек уже готов участвовать во всевозможных экспедициях по поиску сокровищ в горах. Причем не в исторических целях, а исключительно в корыстных. Вот из этой среды и берутся «черные копатели», с сожалением подумал Чистяков. Найти, выкопать и загнать на черном рынке. Вот и весь интерес. А чье, как сюда попало, в связи с какими событиями – это им неинтересно. Даже если это жизнь и история целого региона.

– Нет, конечно, – ответил Чистяков, – не мешками и сундуками находили. Однажды нашли полусгнивший чемоданчик. В нем золотые и серебряные украшения, гнилое тряпье и бумаги. Наверное, какие-то акции, документы, ценные бумаги. Может, путешественник или ростовщик какой-нибудь погиб. Неизвестно, в результате несчастного случая, а может, и ограбили, кто-то из грабителей потерял чемоданчик. А может, сам со скалы сорвался. Например, когда его преследовала полиция. Находили и среди остатков вещей, иногда у человеческих останков. Надо сказать, что на Кавказе грабежом занимались всегда и с большим удовольствием. Они даже бандитами себя не считали. Просто такой образ жизни и такой вид, как это сейчас принято называть, «финансово-хозяйственной деятельности». Кто-то занимался сельским хозяйством, кто-то скотоводством, кто-то торговал, а кто-то грабил богатых. Так сказать, налог на богатство, взимаемый помимо государства. И все, надо сказать, с этим мирились. Даже полиция. Не трогаешь государственные учреждения и госслужащих, значит, на твои делишки смотрят сквозь пальцы. Как на малое стихийное бедствие, неизбежное и вполне типичное для этих «детей гор».

– Это что же, в те времена полиция тоже была продажной? – с усмешкой спросил один из туристов.

– А что вы хотите? – развел руками Чистяков. – Это же Россия. Здесь воровали и брали взятки всегда. Еще Петр Первый столкнулся с этой проблемой и попытался ее решить.

– Ой, как будто это так сложно! – ехидно заметила одна из девушек, юная блондинка.

– Ой, как будто это так просто! – передразнил девушку Чистяков. – Да будь ты самым честным, умным и порядочным президентом у себя там, в Москве. Контролировать-то надо деятельность каждого мало-мальски крупного чиновника. Причем не столько в Москве, сколько на местах. Каждого губернатора, начальника областного или краевого УВД и руководителя федерального округа. Это же миллионная армия! И для такого контроля нужна еще одна такая же. А где вы, милочка, найдете на миллион воров и взяточников миллион честных и неподкупных контролеров? Да половина из них через месяц вскроет темные делишки тех, кого проверяет, и будет иметь с них хороший кусок за молчание. Предполагая это, надо вводить еще и контроль за контролем. И до бесконечности. Так вся страна превратится в контролеров, а работать будет некому.

– Вот-вот, – хмуро заметил еще один парень, – а у нас на Сталина ополчились. Он-то нашел методы. Пусть жестоко, десять лет – за украденный дырявый мешок, зато порядок был в стране же-лез-ный.

– Ты так уверен? – удивился Чистяков. – А что ты об этом знаешь? Да знаешь ли ты, какой беспредел чинили те, кому было дано право принимать решения и карать? В них же не было ничего человеческого, как и в самой системе. Поймите вы, молодые и горячие, что любое отступление от хоть каких-то демократических принципов – это шаг назад в истории. Социальные и экономические проблемы решаются только своим специфическим путем, потому что они развиваются по своим собственным законам. Их нужно учитывать. Это долгий путь постепенных реформ, эволюционного развития, воспитания законопослушного населения. Человек сам должен понять, что жить в богатой и демократической стране ему самому, детям и внукам выгоднее, чем жить в темном беспредельном государстве, где можно безнаказанно украсть и убить. Сегодня ты, а завтра тебя. Перспективы никакой даже у одного поколения. Понимаете? Не бывает так, чтобы все и сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.